

ВАЛЕРИЙ МЕШКОВ

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН И МИХАИЛ БУЛГАКОВ

Известно, Михаил Афанасьевич Булгаков не любил и современную ему поэзию, и поэтов своего времени. По этой причине даже Анна Ахматова, дружившая с семьёй Булгаковых, не осмеливалась в его присутствии читать свои стихи. Своё суровое отношение М. Булгаков не изменил даже по отношению к стихам своего родного брата Ивана. Когда тот, живя в эмиграции в Париже, посылал Михаилу в письмах свои произведения, критика в ответ была весьма строга.

Между тем, имеются сведения, что сам Булгаков с молодости был не чужд стихотворчеству, сохранились образцы его шуточных произведений в стихах*. Много лет спустя его сестра Надежда вспоминала о всесторонней одарённости брата: *“Михаил Афанасьевич писал сатирические стихи о семейных событиях, сценки и “оперы”, давал всем нам стихотворные характеристики”* [1, с. 60]. В зрелые годы писатель тоже иногда в письмах родным “срывался” на стихотворный жанр, например, описывая жизнь в знаменитом теперь доме № 10 в Москве: *“На Большой Садовой / Стоит дом здоровый”*** и т. д. [1, с. 66]. Но все свои “опыты” подобного рода Булгаков оставлял для узкого круга родных и знакомых.

Можно понять, что к поэзии и поэтам Булгаков предъявлял очень высокие требования. Ведь во времена его молодости было модно “баловаться стишками”, поэтов было великое множество, одни считали себя “непризнанными гениями”, а другие, как Игорь Северянин, наоборот, сами себя объявляли гениями. С публичными выступлениями и поведением поэтов было связано много скандалов, эпатажа и бравады, демонстраций пренебрежения к “мещанам и обывателям”, нравственным устоям и духовным ценностям “власть имущих”.

Булгаков и круг его знакомых, уже в юности, критически относились к таким способам вхождения в литературный мир, завоевания известности и популярности. Обращаемся снова к воспоминаниям сестры писателя о киевских

* В архиве Булгакова сохранился также листок с набросками стихотворения. Он датирован 28 декабря 1930 г. и озаглавлен “Funerailles” (“Похороны”). Об этом см. [2, с. 450].

** В доме № 10 на Большой Садовой много раз бывал у друзей Сергей Есенин: в кв. 21 жила мать имажиниста В. Шершеневича, а в кв. 38 была студия художника Якулова, где Есенин познакомился с Дункан. Студию с её гостями считают одним из прототипов “Зойкиной квартиры”. Булгаков проживал сначала в “нехорошей квартире” 50, а затем в кв. 34 [1, с. 164–171].

дореволюционных годах: “Читали декадентов и символистов, спорили о них и декламировали пародии Соловьёва: “Пусть в небесах горят паникадила – В могиле тьма” [1, с. 59].

О некоторых взглядах писателя на поэзию можно судить из его неоконченного письма к брату, Ивану Афанасьевичу: “Невозможность ли, нежелание ли до конца разяснить свой замысел, быть может, желание затушевать его нарочно, порождают очень большой порок, от которого надо немедленно избавляться: это постановка в стихах затёртых, бледных, ничего не определяющих слов” (от 12.05.1934).

По таким косвенным указаниям можно судить, что Булгаков выше всего ставил классические образцы поэзии и не принимал всерьёз стихи, в том числе и свои, далекие от столь высокого уровня. Вполне возможно, что единственным таким образцом для Булгакова было творчество Пушкина. Из автобиографической повести “Записки на манжетах” можно узнать, что первой литературной травле М. А. подвергся во Владикавказе за попытку защитить Пушкина от новоявленных советских “гонителей”:

“И было в лето, от Р. Х. 1920-е, из Тифлиса явление. Молодой человек, весь поломанный и развинченный, со старушечьим морщинистым лицом, приехал и отрекомендовался: дебошир в поэзии. Привез маленькую книжечку, похожую на прейскурнт вин. В книжечке – его стихи.

Ландыш. Рифма: гадыш.

С ума сойду я, вот что!..

Возненавидел меня молодой человек с первого взгляда. Дебоширит на страницах газеты (4 полоса, 4 колонка). Про меня пишет. И про Пушкина. Больше ни про что. Пушкина больше, чем меня, ненавидит. Но тому что! <...> А я пропаду, как червяк” [3, 1.1, с. 481].

Всё изложенное говорит о том, что тема поэтов и поэзии, отношения к ним общества, не были чужды Булгакову, а его житейский и литературный опыт содержал соответствующие яркие и разнообразные впечатления.

Неудивительно, что в главном романе Булгакова “Мастер и Маргарита” одним из главных героев “второго плана” является поэт Иван Николаевич Бездомный. Ныне существует целая “отрасль” популярной литературы, изучившая роман вдоль и поперёк, толкующая его вкривь и вкось. А один из разделов этой “отрасли” посвящён поиску прототипов героев романа.

Разумеется, образ Бездомного является собирательным, он не был полностью “списан” с одного конкретного человека, хотя и такое в литературе случается.

Мариэтта Чудакова, наиболее авторитетный исследователь Булгакова, отмечала: “И сам Есенин, и молодые поэты из его ближайшего окружения последних московских лет <...> Иван Старцев и Иван Приблудный – стали, на наш взгляд, материалом для построения “двух Иванов” – сначала Ивана Русакова в “Белой гвардии”, затем – Ивана Бездомного в “Мастере и Маргарите” [2, с. 272].

Комментаторы первого собрания сочинений Булгакова видели в нём “черты многих лиц: Д. Бедного, Безыменского, Ив. Ив. Старцева и др.”, но Есенина уже забыли. Хотя отмечали, что псевдоним Бездомный (Понырёв), выбран вполне в духе того времени, согласно “идеологическому шаблону”: Максим Горький (Алексей Пешков), Демьян Бедный (Ефим Придворов), Иван Приблудный (Иван Овчаренко) и т. п. [3, т. 5, с. 632].

Автор “Булгаковской энциклопедии” [5] пошёл дальше, и основным прототипом Бездомного считает поэта Александра Безыменского (1898–1973). Однако аргументы в пользу этого выдвигаются весьма немногочисленные, сомнительные и чисто внешние. Достаточно вспомнить, что Безыменский был пролетарским, комсомольским поэтом, а принадлежность Бездомного к этому кругу ничем в романе не выражается. Кроме того, Иван показан в романе как человек бесхитростный, искренний и простодушный, к которому повествователь относится с симпатией. Безыменский же входил в круг ненавистников Булгакова, принимал активное участие в его травле в печати. Такого человека Булгаков мог вывести только в ряду таких персонажей романа, как критик Латунский, Алоизий Могарыч или поэт Рюхин.

Невозможно представить, что Мастер, в ком отражены многие автобиографические черты самого автора романа, будет исповедально повествовать о своей жизни и судьбе, пусть даже и в романе, человеку типа Безыменского.

Известно такое событие в жизни Булгакова, случившееся 7 июня 1934 года. Ему и его жене Елене Сергеевне в унизительной форме было отказано в обещанной поездке за границу во Францию. Это был для писателя страшный удар, и по рассказу жены:

“На улице М. А. вскоре стало плохо, я с трудом довела его до аптеки. Ему дали каплею, уложили на кушетку. Я вышла на улицу – нет ли такси. Не было, и только рядом с аптекой стояла машина и около неё Безыменский. Ни за что! Пошла обратно и вызвала машину по телефону.

У М. А. очень плохое состояние – опять страх смерти, одиночества, странствам”. [6, с. 61].

Таким образом, можно сделать вывод, что Безыменский, общение с которым было Булгаковым противно даже в такой трудной ситуации, никак не мог быть прототипом поэта Бездомного в романе “Мастер и Маргарита”.

Роман этот слишком глубок и многопланов, чтобы по какому-то внешним признакам можно было разгадать замысел его автора. Возникает мысль: если в образе второстепенного персонажа романа, поэта Рюхина, Булгаков использовал какие-то черты Маяковского [5] (с чем ещё можно согласиться), то это, скорее, глубинные свойства характера, чем какие-то внешние черты. Тогда и приходим к предположению, что прототипом Бездомного должна быть фигура поэта, никак не меньшая для того времени по своей человеческой и литературной величине, чем фигура Маяковского.

А это логично и однозначно приводит нас к единственной такой значительной фигуре, соответствующей этому персонажу романа, – Сергею Александровичу Есенину*.

Оказывается, доказательства этому имеются, только они лежат не на поверхности, а немного глубже. Если взять псевдоним поэта – Бездомный, то действительно он явно пародийный, но в случае Есенина не всё так просто. Поэт на самом деле всю жизнь не имел не то что дома, но даже квартиры. Парадоксально, но факт: несмотря на всемирную известность, славу и популярность в своей стране, Есенин не заслужил от советских властей даже простой жилплощади.

Сам он этим вопросом не занимался, но после его возвращения в 1923 году из длительной заграничной поездки и разрыва с Дункан друзья пытались решить для поэта квартирную проблему. Были собраны все бумаги, приложения ходатайства из Моссовета, секретариатов Троцкого и Калинина. Как вспоминала Анна Назарова, близкая знакомая Есенина: *“Решила: ну с такими “ходатайствами” через 2 часа у меня будет квартира для Есенина. И только через месяц почти ежедневного хождения в РУНИ (Краснопресненское районное управление недвижимым имуществом. – В. М.) я поняла, что эту стену никакими секретариатами не прошибёшь”* – [7, с. 165].

Уместно вспомнить, что “квартирный вопрос” всегда затрагивал Булгакова, это получило отражение и в романе “Мастер и Маргарита”. А ещё раньше Булгаков записывал в своём дневнике: *“Пока у меня нет квартиры – я не человек, а лишь полчеловека”* (18 сент. 1923 г.). По этому поводу существенно и замечание Елены Сергеевны [6, с. 64]: *“Для М. А. квартира – магическое слово. Ничему на свете не завидует – квартире хорошей! Это какой-то пункт у него”* (23 авг. 1934 г.).

Следует понимать, что за персонажем поэта Бездомного у Булгакова между строк выражено гораздо больше, чем видится поверхностному читателю. Это принципиально разное отношение и к жизни, и к литературе. В романе ведётся спор на эту тему Мастера с Бездомным, и уже из первой главы можно понять, что поэт представляет немалую величину на советском литературном небосводе. В *“доказательство славы и популярности”* Бездомного *“...иностранец вытащил из кармана вчерашний номер “Литературной газеты”*,

* Сведения о Есенине у Булгакова были не только из прессы и книжных публикаций, но и из личных впечатлений. О них рассказывала его первая жена Т. Лаппа (см. также [2, с. 272]). Кроме того, поклонницей Есенина была вторая жена Булгакова – Л. Е. Белозерская, воспоминания которой содержат эпиграф из Есенина “О, мёд воспоминаний!”, а её впечатления от встреч с поэтом в Берлине включают обширные стихотворные цитаты – полностью приводятся два его стихотворения [4, с. 72–77]. Одним из близких друзей Булгакова был Н. Эрдман, входивший в состав поэтов-имажинистов второго ряда и общавшийся с Сергеем Есениным в годы расцвета имажинизма.

и Иван Николаевич увидел на первой же странице своё изображение, а под ним свои собственные стихи” [3, т. 5, с. 17].

“Педантичный исследователь” может возразить, что “Литературная газета” стала издаваться в 1929 году, и Есенина к тому времени уже не было в живых. Подобные возражения нельзя принять по весьма простой причине. Когда читаешь “труды о романе”, часто замечаешь любопытное обстоятельство: их авторы увлекаются и совершенно забывают, что мир булгаковского романа — это не наш реальный мир, он является только некоторым фантастическим, во многом аллегорическим, но всего лишь его отражением, вне реального времени и пространства. Но приходится удивляться, как персонажей романа и даже его автора часто начинают судить [8], в том числе и по религиозным меркам.

Хотя Булгаков именовал свой роман кратко, для родных и друзей, как “роман о дьяволе”, надо всё же помнить, что это фантастический роман о дьяволе, с большой долей пародийных, сатирических и юмористических элементов. И в этом, фантастическом мире романа “прославленный” поэт Бездомный унаследовал многие характерные черты, и даже биографические подробности, знаменитого русского поэта советского времени Сергея Есенина. И в самом деле, стихи Есенина с его портретом, при его жизни печатались во многих советских газетах.

Любой писатель с ревностью для себя отмечал это обстоятельство, и особенно Булгаков, которому с некоторых пор любые публикации в советской прессе “были заказаны”. Но было и обстоятельство, сближающее писателя с поэтом. В советской партийной прессе оба не раз подвергались жестокой травле, была объявлена борьба как с “есенинщиной”, так и с “булгаковщиной”, а затем книги Есенина и Булгакова на десятилетия стали “запретной литературой”. Подобно Мастеру и Бездомному в романе, Булгаков и Есенин были “товарищами по несчастью”, часто становились жертвами “дьявольщины” и “чертовщины” реального мира.

Но продолжим поиск совпадений. Их немало в первой главе, и одно из главных — богоборческая тема в творчестве Бездомного и Есенина. Редактору журнала Берлиозу не понравилась идея “большой антирелигиозной поэмы” Бездомного, где Иисус выведен поэтом “очень чёрными красками”, но всё же как реально существовавший человек.

Этой темой Булгаков заинтересовался еще в начале 1925 года, и изучив журнал “Безбожник”, записал в дневнике: “... был потрясён. Соль не в кощунстве, хотя оно, конечно, безмерно, если говорить о внешней стороне. Соль в идее, её можно доказать документально: Иисуса Христа изображают в виде негодяя и мошенника, именно его. Нетрудно понять, чья это работа. Этому преступлению нет цены” (запись от 5 янв. 1925 г.). Но ко времени действия романа поэт Бездомный, написавший свою поэму в духе этой идеи, уже отстал от новейших “идейных установок” сверху. Их и внушал редактор Берлиоз “непонятливому” поэту: “Нет ни одной восточной религии <...> в которой, как правило, непорочная дева не произвела бы на свет бога. И христиане, не выдумав ничего нового, точно так же создали своего Иисуса, которого на самом деле никогда не было в живых. Вот на это и нужно сделать главный упор...” [3, т. 5, с. 10].

Сразу после революции Сергей Есенин, как и многие другие поэты, в том числе и имажинисты, отдал дань богоборческой теме. Кульминацией была акция имажинистов, когда в мае 1919-го антирелигиозными стихами ночью в Москве был разрисован Страстной монастырь. Кошунственное для верующих четверостишие Есенина “Вот они толстые ляжки / Этой похабной стены...” прогремело на всю столицу, хотя уже на следующий день его замазали [9, т. 2, с. 268–269]. В 1920 году на Пасху Есенина чуть не избили (спасли матросы) в Харькове, когда он стал читать свои поэмы перед праздничной толпой: “Не молишься тебе, а лаяться / Научил ты меня, Господь”, “Тело, Христово тело, / Выплёвываю изо рта!” и т. п. [9, т. 2, с. 346–347].

И зарубежные, и даже советские партийные литературоведы подвергали имажинистов за это направление резкой критике, как правило, выделяя Есенина за талант, а негативные, на их взгляд, тенденции в его творчестве приписывая групповому влиянию. С другой стороны, за близость к группе поэтов, выходящей из деревни, Есенина, Клюева, Клычкова и других определяли как “поэтов мужицко-хлыстовской революции”, также чуждых пролетарской революции.

По отношению к Есенину при его жизни советские партийные критики во многом вели себя подобно редактору Берлиозу по отношению к поэту Бездомному. Ему многое прощали по молодости, советовали овладеть трудами классиков марксизма и далее творить, руководствуясь партийными установками в области литературы. Есенин не был противником советской власти, но он отвергал всякий партийный диктат по отношению к творческим людям. К его несчастью, вольно или невольно, он оказался вовлечён в водоворот ожесточённой борьбы за власть между “наследниками” Ленина. Это и стало главной причиной его гибели.

Булгаков в романе “Мастер и Маргарита” в образе поэта Бездомного, судя по всему, хотел выразить своё отношение к Сергею Есенину, поэтам и поэзии того поколения.

Внимательное изучение поведения Бездомного приводит к мысли, что Булгаков очень тонко пародирует бесчисленные публикации советской “бульварной” прессы о Сергее Есенине. При этом связанные с поэтом скандалы, драки, происшествия, как правило, объяснялись пьянством. Во всяком случае, такова была официальная версия советской прессы и советского литературоведения.

И вот Булгаков в своём романе фактически высмеивает эту версию – Бездомный не пьян, но встретившись с чертовщиной и “дьявольскими штучками”, пытается бороться, ведёт себя так, что его принимают за пьяного: *“Одинокий, хриплый крик Ивана хороших результатов не принёс. Две какие-то девицы шарахнулись от него, и он услышал слово “пьяный!”*. Далее в сцене у “Грибоедова”: *“Бас сказал безжалостно: – Готово дело. Белая горячка”* [3; т. 5, с. 50, с. 63].

Любопытно, что и сам Есенин, многократно попадавший в милицию, в своих письменных показаниях так же, как правило, объяснял свое поведение “нетрезвым состоянием”*. Дело в том, что в те времена это считалось смягчающим обстоятельством и позволяло в каких-то случаях избежать уголовной ответственности. Но на самом деле существуют воспоминания близких родных Есенина, близких друзей и подруг, что “срывы” у Есенина были редки, а есенинский “алкоголизм” многократно преувеличен тогдашней прессой. Например, в своих воспоминаниях подруга Есенина Надежда Вольпин, как о чём-то второстепенном, замечает, что во время застолья в “Стойле Пегаса” поэт *“пьёт мало (как обычно, только вино – не водку)”* [10, с. 406].

А вот желающих выпить с известным поэтом, да ещё за его счёт, было предостаточно, и Есенин попадал на этой почве в скандалы и переделки. “Друзья” каким-то образом всегда разбегались в последний момент, а милицию всегда интересовал только Есенин. Потом все эти события живописались в советской “жёлтой” прессе.

В этот период Булгаков работал в газете и уже налаживал связи с театральным миром. Случай в Малом театре в апреле 1924-го весьма напоминает поведение поэта Бездомного.

Есенин и писатель Всеволод Иванов зашли к одной из артисток в гримёрную. Когда она ушла на сцену, *“попросили у уборщицы стаканы и, пользуясь одиночеством, изрядно распили принесённое с собою вино”*. Потом в антракте артистка вернулась для переодевания, попросила “гостей” удалиться, но якобы вразумить их не удалось даже с помощью администрации и работников театра. Вызвали милицию: *“Увидя милиционера, Есенин бросился бежать по коридору, причём по пути на лестнице он ударил шедшего навстречу Володю Богачёва – мальчика, на обязанности которого было вызывать актёров к их выходу. Это возмутило Н. О. Волконского (режиссёра театра. – В. М.), и он, обладая значительной физической силой, нагнав Есенина, крепко ударил его в спину. Есенин продолжал бежать и, не зная расположения закулисных помещений, чуть было не выскочил на сцену во время хода действия. К счастью, его успел схватить стоявший на выходе артист А. И. Истомина <...> Есенина повели в кабинет администратора и там*

* Из показаний Есенина в 48-е отделение милиции Москвы: “6-го сентября по заявлению Дип. курьера Рога я на проезде из Баку (Серпухов – Москва) будто бы оскорбил его площадной бранью. В этот день я был пьян. Сей гражданин пустил по моему адресу ряд колкостей и сделал мне замечание на то, что я пьян. Я ему ответил теми же колкостями” (протокол допроса от 29/X 1925) [11; т. 7, кн. 2, с. 263–264].

начали составлять протокол”. Туда же зашёл режиссер И. С. Платон. “Увидя его, Есенин, внимательно всматриваясь в лицо Ивана Степановича, не без иронии и сарказма спросил его: “А что вы сделали для революции?!””, после чего И. С. Платон тотчас же скрылся. Составив протокол, милиционер вывел Есенина из театра, и этим инцидент был исчерпан” — [11; т. 7, кн. 2, с. 346–348].

Эпизод с Платоном показывает, что Есенин был не столь пьян, чтобы требовалась помощь милиции. По этому поводу близко знавшая его С. Виноградская вспоминала: “Это были обычные истории, которые быстро прекращались, если присутствующие умели подойти к Есенину. И эти же истории легко переходили в скандал в компании тех “друзей”, которые, вместо того, чтобы отвлечь его внимание от того, что его раздражало и вызывало злобу, подбивали его на скандал” [10, с. 25]. В связи с этим и “инцидент” в Малом театре видится совсем в другом свете. И почему писатель Иванов был обойдён вниманием милиции? Изучение биографии Есенина показало, что скандалы с вмешательством милиции происходили только в Москве. Как будто именно там его поджидали “слуги Воланда” или другого “чёрного человека”? Будучи во многих городах СССР, попадая тоже в переделки и неприятности, тем не менее, все проблемы Есенин всё же решал без участия милиции. А в Москве на Есенина было заведено около десятка уголовных дел!

Вот и скандалу, устроенному поэтом Бездомным в “Грибоедовском ресторане”, тоже находится аналог среди есенинских скандалов*. Они широко освещались в московских газетах, и Булгаков не мог не читать эти статьи, потому что это было как раз в период его работы в “Гудке”.

Газета “Рабочая Москва”, наиболее отличившаяся в травле и клевете на Есенина, 22 янв. 1924 г. опубликовала статью “Новые подвиги поэта Есенина”: “Во 2-м часу ночи, 19-го января в кафе „Домино”, на Тверской ул., зашел прославившийся своими пьяными выходками поэт Есенин. Есенин был сильно пьян.

Швейцар пытался не пустить пьяного в кафе, Есенин набросился на швейцара и силой ворвался в помещение.

— Бей конферансье, — кричал скандальный поэт. Завязался скандал. Швейцар вызвал милицию.

Явился постовой милиционер Громов и предложил Есенину:

— Пожалуйте в 46 отделение. . .

Но справиться одному милиционеру с буйным Есениным было не под силу. Пришлось звать дворника.

По дороге Есенин совсем вошёл в азарт. Дворник и милиционер, не согласившиеся с его лозунгом — “Бей жидов, спасай Россию”, были избиты. При этом поэт совершенно не стеснялся в выражениях, обзывая своих спутников “жандармами, старой полицией, сволочью” и т. д. Попутно обругал Демьяна Бедного и Сосновского (автора провокационных статей о Есенине. — В. М.)

В отделении Есенин продолжал буйствовать, кричать и ругаться.

Пришлось вызвать врача, определившего у Есенина сильную степень опьянения и нервного возбуждения.

Наутро, вытрезвившись, Есенин был отпущен под подписку. Это уже третья по счёту подписка” [11; т. 7, кн. 2, с. 341–343].

Подобным образом, почти всем эпизодам с поэтом Бездомным в романе “Мастер и Маргарита” можно найти аналог в биографии Есенина. Не раз его обворовывали, грабили и раздевали, так что подобно Бездомному, приходилось какое-то время пользоваться чьими-то обносками. Трижды Есенин был пациентом психиатрических больниц, в том числе и за границей.

Несомненно, Булгаков обо всём этом знал, и всё же, если в его романе Бездомный выведен, как своеобразная карикатура на Есенина, то это карикатура совсем другого рода, чем на многих других персонажей. Булгаков явно не был поклонником творчества Есенина, и это он тоже отразил в образе Бездомного. Однако Мастер, прототипом которого является сам Булгаков, и Бездомный (Есенин) оказываются в романе товарищами по несчастью, оба

* Свой последний скандал Есенин устроил перед отъездом в Ленинград в конце декабря 1925 г. в писательском “Доме Герцена”, ставшем прототипом “Дома Грибоедова” в романе “Мастер и Маргарита”.

в итоге находят прибежище от “чертовщины” внешнего мира в психиатрической больнице, дружески и доверительно общаются!

Что же этим хотел показать Булгаков, в чем тут аллегория, что здесь скрыто между строк? Как говорится, сказка — ложь, да в ней намёк...

Булгаков видит и себя, и Есенина, талантливейших русских людей, попавшими в ненормальные условия. Это мир вокруг сумасшедший, и тогда в этом мире остаётся одна дорога для таких людей — больница или психушка, и далее смерть. При этом Булгаков самокритичен — Мастер и Маргарита в итоге идут на сделку с дьяволом и уходят в мир иной, а поэт, хоть и с советских, атеистических позиций, но не приемлет дьявола. Он держится за жизнь, даже оставшись “тяжко больным”, чьё душевное равновесие зависит от уколов и лекарств.

Можно понять, что Булгаков не верил тем нагромождениям лжи в советской прессе о Есенине, хотя бы потому, что подобной травле и клевете постоянно подвергался сам. И образ Бездомного явился глубоким проникновением в истинный образ Есенина. В романе поэт Бездомный только ведёт себя как пьяный, но ни разу не пьёт. Тем самым читатель подводится к выводу, что “пьянство” Есенина раздуто в прессе, и не это главное в его жизни. А вот поэт Рюхин, напротив, показан пьющим водку “рюмка за рюмкой”.

Этот вывод соотносится с воспоминаниями С. Виноградской: “Просто мерзко слушать “предположения”, что Есенин писал стихи пьяным. Ни разу в жизни ни одной строчки он не написал в нетрезвом состоянии!” [10, с. 29].

А как же главный миф советской прессы и советских официальных кругов о “самоубийстве” Есенина? Есть ли в сюжетной линии романа, связанной с поэтом Бездомным, суждения Булгакова о гибели поэта Есенина?

Зная отношение Булгакова к лживости советской прессы, уже понятно, что Булгаков явно не верил в созданный ею миф о самоубийстве поэта*. Косвенно этот вывод следует из сохранившихся строчек дневника писателя: “Мельком слышал, что умерла жена Будённого. Потом слух, что самоубийство, а потом, оказывается, он её убил. Он влюбился, она ему мешала. Остаётся совершенно безнаказанным.

По рассказу — она угрожала ему, что выступит с разоблачениями его жестокости с солдатами в царское время, когда он был вахмистром” (запись от 17 дек. 1925 г.).

А вот дальнейшие записи в дневнике писателя не сохранились, и, как видно, не случайно. Там должны были быть мысли Булгакова по поводу смерти Есенина. Но 7 мая 1926 года к писателю пришли с обыском, изъяли дневник, рукописи (в том числе “Собачье сердце”). Ныне известны только фрагменты дневника за 1925 год. Причём в основном только за январь**.

Поэтому призовём на помощь логику и зададимся вопросом, почему КГБ, возвращая копию дневников в архив Булгакова много десятилетий спустя во времена перестройки, сохранил фрагмент о преступлении Будённого, а о смерти Есенина изъял? Почему, несмотря на то, что теперь имеются неопровержимые доказательства убийства Есенина [12, 13], нынешние российские власти до сих пор отказываются признать это официально?

Ответ на оба эти вопроса один: потому что преступление Будённого, совершил он его или нет, это дело частного лица, дело семейное. Преступление против Есенина — это преступление государства против своего гражданина, знаменитого российского поэта. Преступление это настолько мерзкое

* О “зомбированности” даже серьезных советских литературоведов официальной версией смерти Есенина можно понять на примере М. Чудаковой. Если отмечается, что для Булгакова и его друзей “самоубийство Есенина прошло в их кругу “незамеченным” [2, с. 505], то и мысли не возникает о возможности убийства поэта. Если приводится суждение Булгакова в период тяжелой болезни (1939), что при самоубийстве “есть один приличный вид смерти — от огнестрельного оружия, но такового у меня, к сожалению, не имеется” [2, с. 505–506], то забывают узнать, что у Есенина это оружие имелось. Когда об этом напоминают, то начинаются намеки на “внезапное безумие” или “алкоголизм” поэта, и т. п.

** У Булгакова изъяли три тетради дневников за 1921–1925 годы, рукопись под названием “Чтение мыслей”, и ещё два чужих стихотворных текста, имевших отношение к Есенину: “Послание евангелисту Демьяну Бедному” и пародию Веры Инбер на Есенина — образцы самиздата тех лет [14]. “Послание” тогда приписывали Есенину, но сейчас многие исследователи в его авторстве сомневаются.

и подлое, что в нём не хотят сознаться даже теперь, через 90 лет. Но все честно мыслящие люди имеют возможность в этом преступлении убедиться, все документы, десятилетия бывшие запретными, опубликованы в интернете племянницей поэта Светланой Петровной Есениной.

Величие Булгакова состоит и в том, что он не написал ни единой лживой строчки о смерти Есенина, даже в аллегорической форме.

Но как же тогда понимать сведения о Бездомном из эпилога романа? О нём повествуется, когда он уже “лет тридцати или тридцати с лишним”. А это как раз возраст Есенина в 1925 году, на момент смерти. Бездомный оставил поэтические занятия, как и обещал Мастеру, теперь он “сотрудник Института истории и философии, профессор Иван Николаевич Понырёв”. С помощью врачей, лечения и постоянных уколов он почти “нормальный”: “Он знает, что в молодости стал жертвой преступных гипнотизёров, лечился после этого и вылез” [3; т. 5, с. 381].

Трудно поверить, что Есенина, если бы он остался жив, ожидала подобная судьба. Но мог ли разумный человек, такой, как писатель Булгаков, поверить в самоубийство Есенина? Например, что и Есенин стал “жертвой преступных гипнотизёров”? Вот и приходим к выводу, что эпилог романа содержит аллегорическую пародию на версию самоубийства поэта. Ведь если поэт отказывается от своей поэзии, это тоже своего рода духовное самоубийство.

С точки зрения Булгакова, за свою жизнь неоднократно оказывавшегося в трудных, и, казалось бы, безвыходных ситуациях, Есенин был “баловень судьбы”. Множество изданий с радостью печатали его произведения, ему предлагали редактировать журнал, готовилось к изданию его собрание сочинений. Булгаков об этом мог только мечтать, ему вскоре после смерти Есенина пришлось оставить сначала карьеру писателя, потом драматурга, режиссера и заниматься подённой работой либреттиста и сценариста. А ведь именно литературный или театральный успех и составляет смысл жизни литератора.

Недаром в заключение своих воспоминаний С. Виноградская писала о Есенине: “Издание полного собрания занимало его. Он заранее предвкушал шуршать первый том своих стихов и говорил: — Вот в России почти все поэты умирали, не увидав полного издания своих сочинений. А я вот увижу своё собрание. Ведь увижу!” [10, с. 36].

Имеется подтверждение и в письме Есенина: “Этого собрания я желаю до нервных вздрагиваний. Вдруг помрёшь — сделают всё не так, как надо” [11, т. 6, с. 184].

Разумеется, писатель и литератор Булгаков и не мог поверить, что поэт и литератор Есенин вдруг потерял разум, и сам лишил себя такой желанной возможности. Ведь Булгаков был вынужден долгие годы в конце жизни вообще писать “в стол”.

Советские пресса, литературоведение и пропаганда многие десятилетия вдалбливали в головы людей абсурдную ложь о самоубийстве Есенина. К сожалению, вольно или невольно унаследовала эту ложь и нынешняя российская власть*.

В заключение вспомним, что, по мнению М. Чудаковой, герой, названный впоследствии Мастером, входит в замысел романа не ранее 1930–1931 гг. [2, с. 499]. Но к этому времени уже вышла книжка В. Эрлиха “Право на песнь” [10, с. 194], где приводится такое суждение Есенина о мастерстве поэтов: “Все они думают так: вот — рифма, вот — размер, вот — образ, и дело в шляпе. Мастер. Чёрта лысого — мастер! Этому и кобылу научить можно! Помнишь “Пугачёва”? Рифмы какие, а? Все в нитку! Как лакированные туфли блестят! Этим меня не удивить. А ты сумей улыбнуться в стихе, шляпу снять, сесть — вот тогда ты мастер!..”.

Здесь выражена мысль, приложимая не только к стихам, но и вообще к художественным произведениям, — в работах настоящих мастеров всегда содержится гораздо больше того, что видит поверхностный взгляд. Повлияли на Булгакова эти строки или нет, читал он их или нет — в своих произведениях он тоже следовал этому есенинскому завету.

* Досье “органов” на Булгакова, которое вели с 1922 г., стало доступным для исследователей [14], а вот вопрос, где соответствующее досье на Есенина, остаётся без ответа даже для родственников поэта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воспоминания о Михаиле Булгакове: сборник. М., Советский писатель, 1988.
2. М. Чудакова. Жизнеописание Михаила Булгакова. М., Книга, 1988.
3. М. А. Булгаков. Собрание сочинений в пяти томах. М., Художественная литература, 1990–1992.
4. Л. Е. Белозерская-Булгакова. Воспоминания. М., Художественная литература, 1989.
5. Б. В. Соколов. Булгаков: Энциклопедия. М., Алгоритм, 2003.
6. Дневник Елены Булгаковой. Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. М., Кн. палата, 1990.
7. Н. Шубникова-Гусева. Сергей Есенин и Галина Бениславская. С.-Петербург, Росток, 2008.
8. А. Кураев. “Мастер и Маргарита”: за Христа или против? – <http://kuraev.ru>.
9. Летопись жизни и творчества С. А. Есенина. В пяти томах. М., ИМЛИ РАН, 2003–2005.
10. Мой Есенин. Воспоминания современников. Екатеринбург, У-Фактория, 2008.
11. С. А. Есенин. Полное собрание сочинений: В 7 т. – М., Наука; Голос, 1995–2002.
12. С. П. Есенина. Истина видится на расстоянии (Вновь о гибели С. Есенина). – <http://esenin.ru>.
13. В. Мешков. Убийство Сергея Есенина. – <http://esenin.niv.ru>.
14. В. Шенталинский. Мастер глазами ГПУ. За кулисами жизни Михаила Булгакова. Новый мир, 1997, № 10.
15. В. Сахаров. Михаил Булгаков: писатель и власть. М., ОЛМА-ПРЕСС, 2000.

г. Симферополь